

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

стихотворения

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Е82

Оформление серии и иллюстрация на переплете
Елены Окольной

Иллюстрация в марке серии:

© bsd / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Есенин, Сергей Александрович.

Е82 Стихотворения / Сергей Есенин. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Собрание больших поэтов).

ISBN 978-5-04-101177-2

Сергей Есенин — русский поэт, тонкий лирик, мастер психологического пейзажа, представитель новокрестьянской поэзии, а позднее имажинизма, стал по-настоящему народным поэтом. «...земля русская не производила ничего более коренного, естественно уместного и родового, чем Сергей Есенин...» — писал Борис Пастернак. В книге представлены лучшие, ставшие почти народными стихи поэта.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Марченко А.,
вступительное слово, 2019

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

ISBN 978-5-04-101177-2

ВЛАСТИТЕЛЬ НАШИХ ЧУВСТВ

В рассказе Андрея Платонова «Никита» деревенский мальчик («пяти лет от роду»), наблюдая за чужим петухом, вдруг открывает, что петух похож «по лицу» на знакомого пастуха. В тот же день Никита делает и еще несколько удивительных открытий — что у старого пня есть глаза и уши и что бабушка не умерла, а стала избушкой: «она нарочно баня, а по правде тоже человек». Но дети вырастают и забывают, что «везде есть люди», мало кому удается сохранить на всю жизнь сияющие глаза пятилетнего ребенка. Одним из таких счастливых был Есенин. Родившись с причастием к тайне — «в мире нет ничего не живого», он приобщил к этому тайному знанию, к этому поэтическому ясновиденью и нас, своих читателей:

Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет...

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...

Клененочек, сосущий зеленое вымя, стал чем-то вроде фирменной меты есенинской поэзии. Между тем и это знак пожизненного детства.

Однако, получив от судьбы столь редкостный дар, Есенин создал на его основе уникальную поэтическую систему, емкую, гибкую, способную выразить тончайшие нюансы духовной жизни — «все, что душу облекает в плоть». Для этого мало ума и таланта. Нужна еще и отзывчивость — чуткость ко всему новому — и в житейском укладе, и в искусстве, а главное, в самом воздухе трагического времени.

Прошло более ста лет с тех пор, как в рязанском селе, в простой крестьянской семье родился гениальный мальчик, а он по-прежнему остается властителем наших чувств. Об этом, похоже, и напоминать излишне. А вот о том, что Сергей Есенин еще и гениальный реформатор русского стиха и что он недаром писал о себе: «Я пришел, как суровый мастер», напомнить необходимо. Слишком часто в последнее время светлое его имя связывается с незатейливой «простотой». Но это сугубо личные

проблемы имитаторов якобы истинно русского стиля. Сам Есенин к убогой простоте, той, что хуже воровства, отношения не имеет.

Ни повторить его «опыт смелый», ни подражать Есенину невозможно. В этом смысле в его пришествии есть что-то общее с явлением Шалыпина. Оба пришли в этот мир, на эту землю из самородных народных глубин, чтобы разбудить в соотечественниках «чувство родины во всем широком смысле этого слова». И чтобы «все до единого, каких бы ни были они различных мыслей, образов воспитания и мнений», сказали, повторяя слова Гоголя: «Это наша Россия; нам в ней уютно и тепло, и мы теперь действительно у себя дома, под своей родной крышей, а не на чужбине».

Алла МАРЧЕНКО

ЛИРИКА

* * *

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.

[1910]

* * *

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
 Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
 Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
 Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
 Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
 И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
 И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
 У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
 Красавица весна.

[1910]

* * *

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы, —
Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сышь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

[1910]

КАЛИКИ

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церкви пред затворами древними
Поклонялись пречистому Спасу.

Пробирались странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иисусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы господе,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску! Идут скоморохи!»

[1910]

* * *

Заиграй, сыграй, тальяночка,
малиновы меха.
Выходи встречать к околице, красотка,
жениха.

Васильками сердце светится,
горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали
узор,
Твой платок, шитьем украшенный,
мелькнул за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка,
малиновы меха.
Пусть послушает красавица
прибаски жениха.

[1910–1912]

* * *

Матушка в Купальницу по лесу ходила,
Босая, с подтыками, по росе бродила.

Травы ворожбиные ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорга схватила,
Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

[1912]

* * *

Задымился вечер, дремлет кот на бруссе.
Кто-то помолился: «Господи Исусе».

Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повеи.
Где-то мышшь скребется в затворенной
клетки...

У лесной поляны — в свяслах копны
хлеба,

Ели, словно копыя, уперлися в небо.

Закадили дымом под росую рощи...
В сердце почивают тишина и мощи.

[1912]